

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

СЛОМАННЫЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАНА АЛЕКСЕЕВА

Дана Алексеева

Сломанные

«Автор»

2026

Алексеева Д.

Сломанные / Д. Алексеева — «Автор», 2026

Он больше не верит в любовь – его сердце покрыто шрамами. Она – заложница отношений, где боль стала привычным делом. Два сломанных человека. Одна случайная встреча. Что она принесёт – шанс на исцеление или роковую ошибку, которая разрушит их окончательно.– Если тебе некуда идти, то можешь переночевать у меня, – неожиданно говорит сосед, с которым познакомилась полчаса назад.– Не переживай. Мой парень не оставит меня на улице.– С чего такая уверенность?– Ну, он любит меня– Губит? – задирает бровь. - Прости, не расслышал. Я усмехаюсь, потупив взгляд.– Ты просто не любил по-настоящему, поэтому так рассуждаешь.– Как раз таки наоборот. Любил. Слишком сильно. И на собственном опыте могу заявить, что любовь – это синоним боли и разочарования.

© Алексеева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9.	24
Глава 10. Лёша	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дана Алексеева

Сломанные

Глава 1

Алиса

«У тебя одна минута. Иначе тебе конец, Лиса».

Сообщение от Глеба вышибает воздух из легких, словно пинок под дых. Он издевается. Опять. В последнее время это стало его излюбленным развлечением – ставить ультиматумы и наблюдать, как я судорожно пытаюсь им соответствовать.

«59»

«58»

Проклятый Дьявол начал отсчёт. Невыносимое, садистское тиканье таймера, встроенного в мою жизнь.

Стиснув мобильник до скрипа пластмассы, я глубже засовываю его в карман кожанки и срываюсь с места. Косой, колючий дождь бьёт в лицо, стекая с волос за шиворот холодными струйками. Я несусь, не замечая ни расплывчатых пятен прохожих, ни глубоких чёрных луж, поднимающих брызги до колен. В висках тяжело и гулко стучит:

«Опоздаешь. Не успеешь. Он ведь не шутит. В прошлый раз он довёл меня до настоящей истерики, а что будет на этот раз?»

Я далеко не спортсменка, но сейчас во мне дикой, животной мотивации больше, чем у любого олимпийского чемпиона. Слезы смешиваются с дождём и солёными ручьями затекают на губы. Я глотаю эту горькую влагу и безжалостно стираю подошвы потрёпанных берцев об асфальт.

Впереди – подъезд. На глаз – секунд двадцать. Я должна успеть. Обязана.

Распахнув тяжелую дверь, я врываюсь в здание, едва не поскользнувшись на кафеле.

– Простите! – задыхаясь, говорю я, на полном ходу подрезая у лифта высокого парня в спортивной одежде.

Он отступает на шаг, ошеломлённый таким натиском. Я влетаю в кабину и судорожно тычу пальцем в кнопку своего этажа, не позволяя ему войти.

– Я очень спешу. Простите, – виновато пишу я, уже обращаясь к его спине.

Створки лифта медленно, мучительно медленно, сходятся. Последнее, что я успеваю заметить – его взгляд. Не столько злой, сколько удивлённый и... оценивающий. Как будто я диковинная птица с другой планеты.

– Чёрт... – выдыхаю я, оборачиваясь к мутному зеркалу в стене кабины.

Отражение транслирует невзрачную, жалкую картинку. Я выгляжу, мягко говоря, ужасно. А если быть совсем честной – хреновее некуда. Вылитая мокрая, потрёпанная курица. Губы предательски трясутся. Тушь размазалась чёрными подтёками до самого подбородка. Влажные пряди волос липнут к щекам и шее. Под вымокшей насквозь курткой мелко дрожат плечи. Но пугают больше всего глаза – огромные, по-звериному испуганные, налитые такой тревогой, что в них, кажется, можно запросто утонуть.

Я пытаюсь стереть это безобразие мокрой салфеткой. Становится только хуже – чёрные разводы превращаются в грязные пятна.

Лифт с лязгом останавливается. Едва створки разъезжаются, я выскальзываю наружу и лечу к заветной двери.

Дёргаю ручку – заперто. Стучу кулаком в металлическое полотно, игнорируя звонок. Внутри всё сжимается в тугий, болезненный комок.

– Глеб, открой! – голос срывается на фальцет.

Молчание. Гробовая тишина за дверью.

Твою мать... Лихорадочно достаю телефон. Новое сообщение:

«Не успела. Наказание».

В глазах темнеет. Я снова колочу в дверь, уже обеими руками, чувствуя, как по коже разливается волна бессилия.

– Хватит издеваться, Глеб! Пожалуйста! – выталкиваю из себя слова, словно глотая острые камни.

В ответ – всё то же мёртвое, унижительное молчание. Он слышит. Я знаю, что он слышит и получает от этого удовольствие.

– Ублюдок, – хрипло рычу я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Спина медленно сползает по холодной стене, и я бессильно оседаю на корточки на бетонный пол. Слезные комки застревают в горле, больно царапая изнутри.

– Будешь держать меня тут, как провинившуюся собаку? – сдавленно шиплю я.

В этот момент раздаётся мягкий щелчок – лифт приехал снова. Створки открываются, и на площадку выходит тот самый парень, которого я так грубо обошла минуту назад.

Его взгляд сразу находит меня, сгорбленную комочком у двери. Наплыв жгучего стыда заливает с головой. Я опускаю глаза, утыкаясь взглядом в его массивные кроссовки. Чуть выше болтается спортивная сумка и пакет с продуктами.

Парень на секунду замирает, затем, не сказав ни слова, проходит мимо. Шлейф его парфюма – лёгкий, свежий – на мгновение окутывает меня. Взбудораженные лёгкие, привыкшие к спёртому воздуху страха, невольно глубже втягивают этот запах. Запах чужой, нормальной, свободной жизни.

Он достаёт из кармана ключи, и до меня наконец доходит: он – мой сосед. Мы с Глебом заселились сюда недавно и ни с кем не знакомились. Мне было не до того.

– Всё в порядке? – вдруг спрашивает сосед.

Я вздрагиваю и автоматически, хорошо заученной ложью, выдаю:

– Да-да, всё хорошо. Просто... ключи забыла.

Неуверенно улыбаюсь и тут же понимаю, насколько жалко и фальшиво это выглядит. На моих джинсах разводы, куртка промокла насквозь, а голос ещё дрожит.

Он просто кивает, но его взгляд – тёмный, внимательный – говорит, что он не верит ни единому слову. Но какое ему дело до какой-то странной соседки?

Как только его дверь закрывается, я снова остаюсь одна в тихом, холодном подъезде. Я бессильно тереблю влажные волосы и, чтобы заглушить гнетущее чувство пустоты, утыкаюсь в телефон. Листаю ленту соцсетей, ничего не видя, просто убивая время. Жду, что Глеб остынет, смилуется, передумает.

Но проходит час, а дверь остаётся закрытой. Веки слипаются от усталости и бесслёзного плача. В голове проносятся обрывки мыслей: а что, если он уснул? А если ему всё равно? А если это навсегда?

Внезапно раздаётся щелчок открывающегося замка. Моё сердце замирает, а потом начинает колотиться с бешеной силой. Это он. Сейчас выйдет. Посмотрит на меня своим жестким взглядом. Скажет: «Ну что, Лиса, прочувствовала? Готова вымалывать прощение?» Или просто развернётся и уйдёт обратно, оставив меня тут ещё на ночь...

Я вздрагиваю и испуганно поднимаю глаза...

Глава 2

Алиса

Но на пороге – не Глеб. Это сосед. Уже переодетый в простые тёмные джинсы и серый худи, из-под которого виден воротник белой футболки. На нём те же кроссовки. И снова этот лёгкий шлейф свежести.

– Ты до сих пор тут? – он озадаченно приподнимает брови. В его голосе нет насмешки, скорее – лёгкое недоумение.

Мне нечего сказать. Я просто бессильно пожимаю плечами, снова опуская голову. Пусть думает, что угодно.

Он делает шаг вперёд, и я невольно съёживаюсь. Он замечает это и останавливается.

– Тебя не выпускают? – спрашивает он уже более мягко, без прежней сухости.

Что я могу ответить? Очевидно же.

– Угу, – коротко бросаю я, наконец поднимая на него взгляд. При свете лампы я лучше разглядываю его лицо. Симпатичное, но не смазливое. С сильным, волевым подбородком, прямым носом и спокойными глазами. Высокий, широкоплечий – чувствуется, что занимается спортом.

– Хреново, – заключает он просто. И после небольшой паузы протягивает руку. – Меня Лёша зовут. А тебя?

Я медлю с ответом, глядя на его ладонь – широкую, с длинными пальцами и выступающими костяшками. Незнакомые мужчины в последнее время вызывают у меня только нервный озноб. Но в его жесте нет угрозы. В конце концов, мы соседи.

– Алиса, – наконец говорю я и осторожно прикасаюсь к его пальцам.

Его рука оказывается на удивление тёплой, почти горячей. Мои ледяные пальцы просто тонут в этом тепле, и по коже пробегают мурашки.

– Ты холодная, – констатирует он, слегка сжимая мою ладонь, прежде чем отпустить. – Мёрзнешь?

– Я всегда холодная. Как змея, – нелепо отшучиваюсь я, сама не зная зачем.

На его серьёзном лице проступает тень улыбки. Мои губы машинально пытаются ответить тем же, но получается кривая, зажатая гримаса.

– Поссорила с парнем? – догадывается он.

– Типа того, – вздыхаю я.

– Жёстко он с тобой, – хмурится.

– Это его фирменный стиль, – сдавленно хмыкаю я, отводя взгляд.

– Унижение?

Это слово повисает в воздухе, тяжёлое и точное, как гильотина.

Я заглываю воздух и понимаю, что не могу его проглотить. Комок снова встаёт в горле.

Унижение.

Да. Именно это слово. Оно идеально описывает всё, что со мной происходит. Всё, во что превратились наши отношения с Глебом. Из восторженной влюблённости – в это постоянное ожидание наказания, в эти слепые попытки угодить, в этот леденящий душу страх.

– Долго собираешься так сидеть? – его голос возвращает меня в реальность.

Я бессильно пожимаю плечами.

– Мне некуда идти.

Некуда... – эхом отзывается внутри. Вот она полная беспомощность.

Мой взгляд снова упирается в колени. Зубы по привычке впиваются в нижнюю губу. Образувавшаяся пауза кажется мне оглушительно громкой. Зачем я это сказала? Зачем вывалила это на совершенно чужого человека?

– Есть предложение, – раздаётся его голос. – Я иду в «Тихую гавань» на углу. Перекусишь чего-нибудь горячего, согреешься. Сидеть тут на холодном полу – не лучшая идея.

Он выжидающе смотрит на меня. А у меня в голове каша. Идти с незнакомым мужчиной? В бар? Глеб... Глеб с ума сойдёт от ярости, если узнает. Если узнает. А если не узнает?

Но страх сильнее. Страх перед Глебом, перед последствиями, перед этим новым, незнакомым человеком.

Моё молчание затягивается.

Лицо Лёши постепенно становится невозмутимым.

– Ладно. Предпочитаешь сторожить дверь – твой выбор, – пожимает плечами парень.

Он засовывает руки в карманы джинсов, разворачивается и нажимает кнопку вызова лифта.

Я смотрю на его спину, чувствуя, как к горлу подступает горечь. Он прав. Я сижу тут, как послушная собачка, жду, когда хозяин соизволит меня впустить. Это и есть самое настоящее унижение. И я сама ему позволяю.

Лифт приезжает с тихим шелестом. Створки открываются. Лёша заходит внутрь. Перед тем как нажать кнопку, он на секунду поворачивается ко мне. Его взгляд встречается с моим. В нём нет ни жалости, ни насмешки. Есть лишь вопрос. И что-то сильно цепляющее.

Створки начинают медленно сходиться.

И в этот момент во мне что-то щёлкает.

– Стой! Я передумала, – подсакиваю на онемевших ногах и делаю шаг от чёртовой двери.
– Я пойду с тобой.

Глава 3

Алиса

Бар «Тихая гавань» оказывается уютным местом с деревянными столами, мягкими диванчиками и развешенными гирляндами. Этаким райский уголок посреди ада.

– Устраивайся, – говорит Лёша, указывая на свободную зону у стены. – Я закажу.

Я снимаю промокшую куртку, вешаю на спинку стула и сажусь, съезжившись. Прячу ладони в подмышки, чтобы успокоить тремор.

Лёша возвращается через пару минут с двумя кружками. Ставит передо мной одну. Пар поднимается над темной жидкостью.

– Глинтвейн, – коротко поясняет он, занимая место напротив. – Согреешься быстрее.

– Спасибо, – мой голос звучит сипло.

Я осторожно обхватываю ладонями горячую кружку. Тепло обжигает оочевевшие пальцы, и я с наслаждением чувствую, как жар медленно растекается по венам. Делаю маленький глоток. Сладковато-пряная жидкость обжигает губы, согревает изнутри. Я закрываю глаза на секунду, просто слушая тихий шум на фоне, позволяя ему заглушить навязчивые мысли.

– Если тебе некуда идти, то можешь переночевать у меня, – неожиданно говорит Лёша.

Предложение повисает в воздухе. Я растерянно мотаю головой.

– Нет... Спасибо.

Меня бросает в жар от одной мысли, что об этом узнает Глеб.

Лёша кивает, как будто ожидал этого ответа.

– Я даже не знаю, кто ты, – объясняюсь, чтобы ненароком не обидеть человека.

– Так вроде познакомились, – улыбается он. – Алексей. Твой сосед. Не маньяк. Тренер по рукопашке. Этого достаточно для начала?

В его тоне нет ни намёка на флирт. Только прямая, немного грубоватая честность. И это странным образом успокаивает куда больше, чем приторная любезность.

В этот момент подходит официант. После оформления заказа, мы возвращаемся к разговору.

– Не переживай. Мой парень не оставит меня на улице.

– С чего такая уверенность?

– Ну, он любит меня...

– Губит? – задирает бровь. – Прости, не расслышал.

Я усмехаюсь, потупив взгляд.

– Глеб злится, поэтому так поступает, – объясняю ему, и себе заодно.

– Что же его так разозлило?

– Я задержалась после работы и не отвечала на звонки.

– Вероятно, у тебя были на то причины.

Я пожимаю плечами и отпиваю глинтвейн.

Причина есть. Это сам Глеб. Я не тороплюсь домой, чтобы оттянуть вспышки его необоснованной агрессии. Сегодня я позволила себе прогуляться в одиночестве после работы и разобраться со своими мыслями.

Что я делаю не так? Почему Глеб стал холодным и жестоким? Раньше он был не таким...

– Отношения – это непросто... – умозакключаю со вздохом.

– Точно. Поэтому я завязал с этим.

Я уязвленно усмехаюсь.

– Ты просто не любил по–настоящему, поэтому так рассуждаешь.

– Как раз таки наоборот. Любил. Слишком сильно, – мужской взгляд на секунду становится отстраненным. – На собственном опыте могу заявить, что любовь – это синоним боли и разочарования. Ты я тоже смотришь не порхаешь от счастья.

– Не всегда бывает гладко, – поджимаю губы.

– Да. Но если рядом с человеком ты больше плачешь, чем улыбаешься, то пора завязывать.

Не зная, что ответить, я прислоняю губы к кружке и вспоминаю, сколько пролила слёз за последнее время. Хватило бы на приличный водоём. А вот с искренней улыбкой – беда... Мало поводов для радости.

Мы умолкаем каждый в своих мыслях.

В образовавшуюся паузу приносит две тарелки. В одной – наваристый лагман. В другой – моя гречневая каша с мясом. Простая, пахнущая беззаботностью еда.

Следующие десять минут наши рты заняты поглощением любимых блюд. Из-за нервов я не замечала, что ужасно голодна.

Лёша не донимает меня разговорами и его молчаливая щедрость действует, как успокоительное.

Чуть погодя к нашему столику подходит женщина. Лет тридцати, симпатичная и деловая.

– Лёш! Ты? Привет, дорогой, – она улыбается ему, легко кладя руку ему на плечо. – Пропал совсем.

Лёша слегка отстраняется.

– Катя, привет. Дела.

– Всегда дела, – она смеётся и замечает меня. Её взгляд скользит по моему лицу. – Не помешала?

– Нет, что ты, – Лёша отвечает ровно. – Катя, это Алиса, соседка. Алиса, Катя, мама одной из моих подопечных.

Я пытаюсь улыбнуться, но на столе вдруг вибрирует телефон. Один раз. Коротко. Как удар током.

Всё внутри замирает, когда вижу имя Глеба на экране.

– Мне пора, – выдыхаю я, резко вставая. – Спасибо. За всё.

Я лихорадочно роюсь в кармане, кидаю на стол пару смятых купюр за свой заказ.

Лёша смотрит на меня. В его глазах – неутешительная догадка.

– Извините, – бормочу я и устремляюсь к выходу.

– Алиса, подожди...

Но я уже не слышу. В висках долбит страх и последствия того, к чему приведёт моя своевольная выходка.

Только на улице я осмеливаюсь открыть сообщение.

Текст плывёт перед глазами.

«Далеко убежала? Возвращайся. Сейчас же»

Внутри всё холодеет. Глеб открыл дверь и ожидал найти меня за порогом, послушную и ждущую. А я ушла. За неповиновение будет новое наказание, и эта мысль вызывает новый приступ паники.

Я делаю глубокий вдох и поворачиваю назад. К своему личному аду.

Глава 4

Я мчу домой как угорелая. Сердце колотится в горле. Ноги путаются, спотыкаясь о ступеньки.

Я ненавижу Глеба за то, что он делает со мной. Но ещё сильнее ненавижу себя за этот животный страх, что гонит меня обратно в клетку.

Перед тем как войти в квартиру, я делаю глубокий, прерывистый вдох. Собираю волю в кулак.

Просто войди. Будь что будет.

Дергаю металлическую ручку. Дверь со скрипом открывается. Внутри – гнетущая звенящая тишина. Скинув ботинки, я с опаской крадусь на кухню, где горит свет.

Замираю в проёме и сглатываю.

Глеб стоит спиной ко мне у окна, затягиваясь сигаретой. Дым кольцами уплывает в приоткрытую форточку. Он не оборачивается.

– Я вернулась, – говорю тихо, затравлено.

Он медленно, будто с неохотой, поворачивается. Его лицо спокойно. Слишком спокойно. Это хуже любой ярости.

– Где была? – с нажимом спрашивает.

– Прогулялась до бара за углом...

– Ты, блядь, за целый день не нагулялась? – резко захлопывает окно. Я вздрагиваю. – Где ты шлялась, когда я тебе звонил? Тысячу раз. Ты проигнорировала.

Он делает шаг ко мне. Я инстинктивно отступаю к стене и чувствую её прохладу спиной.

– Твоя смена закончилась в четыре часа. Где тебя носило?

– В парке... Я была в парке... – мой голос дрожит. – А телефон был на беззвучном.

Прости, Глеб.

– Мобильник сюда, быстро.

Я судорожно выуживаю телефон из кармана и передаю ему.

Предположение, что он как обычно будет проверять звонки и переписки разбиваются с громким треском. В прямом смысле этого слова.

Он с силой швыряет телефон об пол.

Я вздрагиваю от внезапного грохота.

Хрупкое стекло экрана взрывается паутиной трещин, пластик отскакивает в сторону.

– Больше не понадобится, – говорит Глеб с притворным спокойствием и возвращает на меня острый вспарывающий взгляд. – Тебе нравится меня доводить, Лиса?

– Нет...

– Но ты делаешь это каждый гребанный раз, – приближается.

– Прости...

– Молчать.

Его рука поднимается, и я рефлекторно закрываюсь. Но он лишь проводит пальцами по моей щеке и потом касается влажных волос. Жест кажется почти ласковым, если бы не ледяной взгляд.

– Ты промокла. Раздевайся, – отдаёт команду.

– Но Глеб...

– Я сказал, раздевайся, – раздраженно обрывает и после добавляет чуть мягче. – Не дай бог простудишься.

Забота звучит как издёвка.

Мои пальцы, дрожа, тянутся к молнии на куртке. Движения скованные, робкие. Я чувствую себя голой под его взглядом ещё до того, как снимаю первый слой одежды.

Он наблюдает. Молча. Стоит, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. Его молчание – это пытка. Оно давит, заставляет суетиться, ронять вещи, чувствовать себя последним ничтожеством, которое даже раздеться нормально не может.

Влажная кофта падает на кафель с тихим шлепком.

– Для любимого парня можно и посексуальней раздеваться... – укалывает едким замечанием Глеб.

Слёзы подступают к глазам, но я закусываю губу до боли, заставляя их уйти. Плакать нельзя. Это вызовет только новую волну презрения.

Наконец, я остаюсь в одном белье, съёжившись от холода и стыда. Руки неосознанно прикрывают грудь.

– Чего ты прячешься от меня?

– Ничего, – тут же опускаю руки.

Страх бежит вдоль позвоночника.

Кожа покрывается колючими мурашками сверху вниз – ровно по той траектории, по которой двигается его разглядывающий взгляд по мне.

– Хочешь меня? – с вызовом спрашивает Глеб.

Секунда промедления спровоцировала бы взрыв.

Поэтому отвечаю быстро:

– Да.

– Сильно? – щипает за соски, заставляя смотреть в глаза.

– Да, – слегка морщусь.

Его ладонь сдавливает горло.

Грубый поцелуй насилует рот. Не прерывая напор, Глеб тащит меня в спальню.

Я иду без сопротивления, хотя внутри всё сжимается в колючий ком. Я знала, что так будет. Знала, что это единственный способ утихомирить бурю. Быстро, безропотно. Так было уже не раз.

Он снимает с меня трусы и бросает на кровать. Раздевается не спеша, глядя на меня тем плоским, голодным взглядом. Гнев сменился на что-то другое – холодное, властное и неотвратимое.

Вес его тела придавливает меня, отнимая воздух. От него пахнет алкоголем и злобой.

В момент, когда он входит в меня, я отключаю всё внутри. Мысли, чувства, боль. Я зажимаюсь, стараясь дышать ровно и глубже, уходя в себя. В то самое безопасное пространство в голове, куда он не может добраться.

Его руки – грубые. Они не ласкают, а захватывают, оставляя синяки на бёдрах. Это не страсть, это насилие.

– Смотри на меня, – его голос звучит требовательно.

Я открываю глаза и смотрю в его лицо. Оно искажено не пылким чувством, а концентрацией власти. Ему нужно не удовольствие. Ему нужно моё безоговорочное подчинение. Унижение в полной мере.

И он его получает.

Я терплю и позволяю ему всё. Любые прикосновения, любое грубое движение. Лишь бы быстрее всё закончилось.

Его движения становятся резче. Финальный рывок. Глеб кончает с низким стоном, больше похожим на ярость, чем на удовольствие. Его тело обмякает на мне, тяжёлое и потное.

Я лежу неподвижно, всё ещё уставившись в потолок, стараясь ни о чём не думать.

Дело сделано. Буря утихла. Цена заплачена.

Отдышавшись, Глеб поднимается, подбирает одежду и перед тем, как выйти, бросает через плечо:

– Иди помойся. От тебя пахнет улицей и дерьмовым баром.

Когда он уходит я разрешаю себе беззвучно зарыдать. От стыда. От боли. От ненависти к себе за эту слабость. За то, что терплю. За то, что позволяю. Снова и снова.

Глава 5

Лёша

Я распахиваю дверь на балкон и выхожу под ночное небо.

Внизу у подъезда, только что скрылись красные огни такси – Катя уехала, как и любая другая, которая была в моей постели. Идеально. Без обязательств, без чувств, без привязки. Просто физиология. Оптимальный вариант для того, кто разочаровался в любви и потерял смысл заикливаться на одной девушке.

Опираюсь на холодные перила. Вдыхаю воздух, пахнущий дождём и городской пылью. На секунду прикрываю глаза и кайфую от легкой пустоты внутри.

– Так быстро уехала... – звучит со стороны.

Поворачиваю голову. На соседнем балконе, в двух метрах от меня, стоит Алиса. Кутается в огромный темный свитер, скрестив руки на груди. В её тонких пальцах тлеет сигарета. Она смотрит туда, где только что скрылось такси, а потом переводит на меня взгляд.

– Предпочитаю спать один.

– А... – она затягивается, выпуская тонкую струйку дыма. – Понятно.

В её интонации нет осуждения. Спокойное принятие факта.

Прищурив глаза, я разглядываю соседку, которая так быстро умчалась из бара. Её фигура кажется совсем хрупкой. Как тростинка. Короткие тёмные волосы, лицо бледное, без косметики. Глаза красивые, но грустные. На вид ей не больше двадцати.

– Не спится? – спрашиваю я.

– Что-то вроде того, – уклончиво отвечает.

– Помирилась с парнем?

– Угу.

Она не смотрит на меня, уставившись куда-то в темноту между домами и пускает дым.

Я решаю не вдаваться в подробности чужой личной жизни. Но ясно одно, эта парочка редко живёт мирно. Как только они заселились по соседству, за стеной регулярно слышны разборки. Сначала они громко орут, потом так же громко трахаются.

– Не куришь? – спрашивает Алиса, дернув головой в мою сторону.

– Вредно.

Усмехнувшись, она сбрасывает пепел и делает затяжку.

– Спортсмен, да? – припоминает на выдохе.

– В прошлом. Сейчас тренер и должен подавать пример подрастающему поколению.

– Правильно, – кивает. – Я когда-нибудь брошу... А пока это моя маленькая слабость.

– И много у тебя таких слабостей?

Она задумывается и кивает в знак того, что я её подловил.

– Целый багаж наберётся. Разве у тебя их нет?

– Найдётся парочка, – прикидываю в уме.

– Слава богу. Я бы не пережила, если бы со мной по соседству жил идеальный человек.

– Далеко неидеальный, – открыто признаюсь.

– Поэтому нам есть о чём поболтать.

Алиса тушит сигарету и смеётся про себя, как будто вспомнила что-то забавное.

– Чего? – улыбаюсь.

– Хочешь подарю тебе мыльные пузыри?

– Зачем?

– Чтоб тебе было чем заняться на балконе после ухода очередной девушки. Обычно парни курят, а ты можешь позволить себе безобидный способ «подуть» и расслабиться.

– Ха-ха... Неплохая идея.

Боже, какая милая безумная ахиня живёт в её голове.

Алиса смеётся – так легко и естественно, что мои уши запоминают её смех, как нечто очень приятное.

Мы обмениваемся улыбающимися взглядами и, испытав в моменте некоторую неловкость, замолкаем. Глаза устремляются к звездному небу. Тишина обволакивает чем-то очень комфортным, на подобии пухового одеяла.

Я замечаю, как Алиса прячет подбородок в воротник свитера и сводит голые колени.

– Холодно, – говорю я. – Тебе лучше зайти, пока не замёрзла.

Она странно смотрит на меня, потом уводит взгляд и пожимает плечами.

– Не чувствую.

– Крупные мурашки на твоих ногах говорят об обратном, – усмехаюсь я. – Начало учебного года, неприятно будет заболеть.

– Я не учусь, – равнодушно отзывается девушка.

– А как же ты проводишь свои будни?

– Работаю в «Чашке» на проспекте.

– Бариста?

– Угу. Любишь кофе?

– Он мой лучший друг, – растягиваю губы.

Алиса улыбается в ответ.

– Приходи. Соседу полагается скидочка.

– Принято.

Обернувшись на посторонний звук из квартиры, она отступает к двери, как испуганный зверёк, и поспешно прощается:

– Я пойду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – провожаю её взглядом.

Я ещё немного стою в одиночестве, перебирая ощущения, вызванные новым знакомством. И неожиданно для самого себя прихожу к мысли, что с нетерпением хочу попробовать кофе, который готовят в «Чашке» на проспекте.

Глава 6

Я стою у плиты, неторопливо помешивая соус для пасты. Вместо музыки в квартире звучат трели канарейки Искорки. Её клетка стоит на подоконнике, и лучи осеннего солнца ласкают её золотистые перышки. На мгновение я забываюсь, с улыбкой наблюдая, как любимая пташка весело перепрыгивает с жердочки на жердочку. Но это спокойствие длится недолго.

Мы одновременно замираем, когда входная дверь хлопает и по стенам проносится едва заметная вибрация. Искорка умолкает, нахохливается и забивается в угол, сложив крылышки, чтобы казаться меньше. Она чувствует – пришёл Глеб. После того случая, когда он швырнул книгу в клетку за раздражающее чириканье, она реагирует на него с опаской. И я, как никто понимаю её. Это состояние похоже на рефлекс, который ты не в силах контролировать. Напряжением сковывает каждую мышцу, дыхание перехватывает, ты улавливаешь любой шорох, не знаешь, чего ожидать в следующую секунду и не имея на то веских причин, готовишься всё равно к худшему.

Хоровод мыслей, который кружил в голове минуту назад, обрывается и сужается до одной – в каком настроении Глеб? Утром он ушел на работу раньше, чем я проснулась. Тяжелые, но спокойные шаги в прихожей не предвещают ничего плохого, но внутренности всё равно завязываются в тугую узел.

Заметив его тёмную фигуру в дверном проёме, я поворачиваю голову, чтобы выдать нейтральное «привет». Но слова застывают на языке, когда я вижу в мужской руке букет. Темно-алые розы. Такого насыщенного, глубокого оттенка, цвета запекшейся крови. Во рту автоматически появляется металлический привкус, словно я заглотнула что-то ядовитое. Ненавижу эти цветы. Алы розы стали для меня своеобразным триггером. Глеб дарит их каждый раз, после того, как причинит боль. И чем серьёзнее проступок, тем пышнее букет. Как будто красивые, но бездушные бутоны способны что-то исправить. С таким же успехом можно накрыть цветами осколки разбитой вазы в надежде, что они соберутся обратно во что-то целостное. Несуветный бред. Но Глеб продолжает дарить розы, порождая во мне незаслуженное отвращение к ним.

Сглотнув, я накрываю крышкой сковороду и выключаю конфорку. Слабый тремор бежит по мышцам.

– Лисичка... – ласковый голос, пропитанный сожалением, касается ушей.

Глеб приближается, и знакомый холодок проскальзывает по спине.

Он выглядит уставшим – тени под глазами, волосы всклокочены, на лице легкая щетина. В черной водолазке, обтягивающей мощный торс, он кажется ещё массивнее. Рукава закатаны, обнажая переплетения татуировок, которые он лично себе набивал.

– Прости, вчера я был слишком груб.

Он обнимает меня, его тяжелый удушливый запах забивает легкие, словно свинцом. Наши взгляды встречаются. Его глаза – полные раскаяния, а в моих – попытка понять, где заканчивается спектакль и начинается искренность. В горле встаёт ком. Но это не от умиления, а от острой обиды, которую приходится снова глотать как горькое лекарство.

Каждый раз одно и то же. Он причиняет боль, а потом заглаживает вину. И я прощаю, потому что не могу иначе. Но с каждым новым инцидентом делать это становится всё сложнее. Если цель Глеба исчерпать весь лимит – то он движется в правильном направлении.

– Детка, я сорвался. И очень сильно сожалею, – тихо хрипит он, проводя костяшками пальцев по моей щеке.

Его нежное прикосновение обжигает.

Опыт подсказывает: Глеб будет извиняться, пока я оттаю. Он всегда добивался своего.

– Я купил новый телефон. Лучше старого. Не дуйся, умоляю.

Я замечаю коробочку в его руке, но лицо остаётся каменным. Внутри всё сжимается от досады – опять эта игра в «купим новую вещь, и всё исправится». Кстати, именно по такой схеме появилась Искорка. Глеб подарил мне её после того, как в приступе ярости, не рассчитав силы, отшвырнул меня, и я сильно ударилась об угол шкафа. Шрам на виске тому доказательство.

– Решила наказывать меня молчанием? – меняет интонацию Глеб, добавляя стали. – Не будь такой жестокой, Алиса. Ты же знаешь, что я люблю тебя...

Он пытается вызвать во мне чувство жалости. Чувство вины. Пожалуй, в этом он совершенен. Не знаю, почему он работает тату-мастером, когда у него явный талант манипулятора.

– Хочешь, чтобы я встал колени? – с нажимом выталкивает. – Хорошо...

Стиснув челюсть, он опускается на пол.

Беспрониженный ход. Рабочий.

– Довольна? Мне стыдно за своё дерьмовое поведение. Я с ума схожу, когда мы ссоримся. Когда ты обижаешься на меня. Я проклинаю свой взрывной характер, но Лиса... Я не могу спокойно сидеть, когда ты пропадаешь не известно где. Не отвечаешь часами на мои звонки. Я переживаю за тебя, места себе не нахожу. Естественно, я злюсь, мне сложно сдерживать эмоции, я не робот Алиса, я живой человек...

Оборвав речь на высокой ноте, он прижимается к моим оголенным ногам. Его руки – неуютные тиски, а дыхание – обжигающе горячее.

– Прости меня, малышка. Я не знаю, что ещё сказать в своё оправдание. Я сам себя ненавижу, понимаешь? Может на хрен сигануть с балкона, чтобы тебя больше не мучить?

– Глеб... – пугаюсь я.

– Разобьюсь всмятку тебе на радость.

– Не говори так, – голос дрожит против воли.

– А как иначе, Лиса? Ты не хочешь меня прощать. Если ты уйдёшь от меня я оборву эту гребанную жизнь, клянусь. Мне она не сдалась без тебя. Ты мой главный смысл существования на этой чёртовой земле.

В его надрывном голосе слышны слёзы. И неотвратимая решимость, от которой стынет кровь. Нет не капли сомнения – он способен на всё. От этой мысли становится так больно, словно кто-то сжимает сердце в кулаке.

– Глеб, пожалуйста, встань, – умоляю его, чувствуя слабость в ногах.

– Только после того, как моя девочка простит меня, и скажет что любит, несмотря ни на что.

Он смотрит на меня снизу вверх, ожидая вердикта. Его глаза – два темных озёра в которых тонет моя воля. Безвыходность положения заставляет чувствовать себя крайне уязвимой. Мой ответ определит, что будет в следующую секунду. Либо мы помиримся, либо он пойдёт на балкон, где истерика продолжится, перерастёт в нечто большее, во что-то, о чём страшно подумать.

– Я люблю тебя, – выдавливаю с усилием, и эти слова буквально разъедают рот.

– Не надо жалеть меня, Лиса, – мрачнеет Глеб. – Скажи, как есть.

– Я обижена и зла, Глеб, – голос срывается, выдавая те эмоции, что клокочат в душе.

– Конечно, я понимаю... Обещаю, что такого больше не повторится. Не будет поводов – не будет ссор.

Поводов не будет, если только я перестану дышать, – проносится у меня в голове.

– В последняя время для тебя любой мой поступок – то повод. Ты стал агрессивным, грубым, жестоким. Вечно недоволен, а я вечно виновата, выпаливаю я, и на мгновение чувствую облегчение, будто выпустила пар из перегретого котла.

– Всё изменится, Лиса. Я тебе обещаю, – он целует мои руки. – Я буду нежным и внимательным. Поверь мне. Дай мне шанс...

Который уже по счёту? Не сосчитать. Я только и делаю, что даю шанс, но вера в лучшее неумолимо угасает, как фитиль сгорающей свечи.

Уставший взгляд падает на клетку. Искорка по-прежнему сидит нахохлившись и настороженно смотрит на Глеба глазам–бусинками. Словно не верит ни единому его слову, помнит все прошлые сцены, все невыполненные обещания.

– Я так сильно люблю тебя... – вторит Глеб, и я в его голосе снова появляются пронзительные нотки. – Это чувство сводит меня с ума. Ты – моя слабость, Лиса. Ни на кого другого я так не реагирую. Что ты делаешь со мной?

– Что?

Его вопрос сбивает с толку.

– Я не знаю, детка... Я до смерти боюсь тебя потерять. Поэтому хочу знать, где ты, с кем ты и иметь возможность услышать твой голос в любое время дня и ночи. Это было жестоко – игнорировать мои звонки... Я весь извёлся.

В его словах есть крупица правды, и она как отравы медленно проникает в сознание. Я опускаю глаза и киваю, чувствуя, как сдаю позиции.

– Ты прав. Я должна была тебе ответить и предупредить, что задержусь. Тогда всё было бы иначе. Извини. Впредь я буду предупреждать.

– Конечно, малышка. Это же было так просто. Я рад, что ты осознала свою вину, – в глазах Глеба вспыхивает победа.

Он встаёт с колен, и целует меня в губы. Я отвечаю, но внутри остаётся неприятный осадок. Поцелуй кажется колючим, несмотря на нежность.

– Ты у меня такая красивая, – очерчивает взглядом моё лицо Глеб. Его пальцы поглаживают шею, а я вспоминаю, как они душили меня. – Никому тебя не отдам. Мы плывём в одной лодке, Лиса. Ты и я – навсегда, чтобы ни случилось. Даже если лодка начнёт тонуть, мы пойдём ко дну, держась за руки.

Он произносит это как клятву, суть которой ввергает меня в тихий ужас, и ждёт подтверждения с моей стороны.

Я киваю, проигнорировав тяжесть в груди, что с каждым днём становится всё невыносимее.

Поймав сигнал, Глеб прижимает меня к себе, запускает пальцы в волосы, и мягко, но настойчиво сжимает затылок.

– Правильно, – выдыхает над ухом. – Только так. Либо вместе, либо никак. Запомни это, Лиса.

Глава 7

Рабочая смена в «Чашке» проходит, как в тумане. Автоматические улыбки, заученные фразы, бесконечный поток людей и сотни чашек кофе. Под конец дня накрывает усталость: ноги гудят, а спина просит покоя. Я раскладываю чистую посуду на полке, и их мелодичный перезвон – единственный звук в опустевшем зале. Последние клиенты ушли минут десять назад, и примерно столько же времени осталось до закрытия заведения. За окном уже сгустились сумерки, мокрый асфальт блестит от света фонарей. Я натираю тряпкой барную стойку и мысленно перебираю планы на вечер – а точнее их отсутствие. Просто дойти до дома и пережить ещё один день.

Звонок колокольчика над дверью раздаётся так неожиданно, что я вздрагиваю.

– Мы уже закрываемся... – машинально начинаю я, поднимая голову, и голос обрывается.

В дверях стоит Лёша.

Он замер на пороге, не решаясь войти.

– Успеваю? Я тут мимо проходил и как-то резко захотелось кофе...

Черты его лица смягчаются в беззвучном приветствии.

– Да, конечно, – улыбаюсь я, испытывая за целый день первую приятную эмоцию.

Наш разговор на балконе всплывает в памяти. Я сама его пригласила на кофе. И вот он здесь. Этот факт вызывает щекочущее чувство где-то под ребрами.

Пока Лёша неспешной, уверенной походкой двигается к стойке, я успеваю рассмотреть его образ в деталях – аккуратная короткая стрижка, расстегнутая темно-синяя куртка, свободные джинсы, чистая кожа без татуировок и пирсингов. Из аксессуаров – только часы на руке.

Он садится напротив и до меня долетает шлейф его парфюма. Я узнаю этот аромат и непроизвольно вдыхаю глубже.

– Что тебе приготовить? – вежливо интонирую.

Он задумывается на секунду, а потом, чуть сощутив глаза, говорит:

– Раф на кокосовом.

Я удивленно поднимаю брови. Серьёзно? Приторная нежнятина – для него?

Немой шок длится пару секунд, пока парень не издаёт глухой смешок.

– Шучу. Двойной эспрессо без сахара.

– Фух, – облегченно выдыхаю я. – Я уже испугалась.

– Почему? – его глаза весело мерцают.

– Не знаю... Ты совсем не похож на человека, который любит вкусовые извращения, – смущенно комментирую.

– Ха-ха, ладно, расколола, – он улыбается шире.

– Я сама предпочитаю, что покрепче и попроще. Пожалуйста, больше не шути так.

– Решил проверить реакцию, – усмехается. – Она оказалась закономерной.

– Ещё бы.

Встряхнув волосами, я приступаю к приготовлению кофе, а он внимательно наблюдает. В процессе наши взгляды неоднократно встречаются, и каждый раз я первая увожу глаза, чувствуя нарастающую неловкость.

Я ставлю перед ним белую кружку с дымящимся эспрессо. Мужские пальцы, крепкие и сильные, случайно касаются моих. Мимолётный контакт вызывает мелкую дрожь по коже. Зубы непроизвольно вонзаются в нижнюю губу, силой подавляя странное волнение.

– Спасибо, – благодарит Лёша, не обрывая зрительной связи.

Его глубокий взгляд переворачивает всё внутри. Благо моё лицо сохраняет нейтральную маску и выдаёт лишь скромный кивок.

Лёша делает первый глоток, прикрыв веки, и я вижу, как напряжение понемногу покидает его крепкие плечи. Пока он пьёт, я украдкой разглядываю его черты: прямой нос, изгиб бровей, твердый подбородок, расслабленные губы.

Парень делает ещё глоток, после чего с шумным вздохом откладывает кружку и наваливается на спинку стула.

– Тяжелый был денёк? – интересуюсь я.

– Есть такое.

Он смотрит на меня задумчиво, словно я не просто бариста, а неопознанный объект. Карие радужки, похожие на кофейную гущу – такие же темные и густые, с интересом сканируют меня.

Мне становится не по себе от его пристального внимания, и я поспешно заполняю паузу.

– У меня ни дня без нервных клиентов, которым как ни старайся, невозможно угодить, – закатываю глаза. – Это выматывает.

Лёша скрывает понимающую улыбку за кружкой.

Несколько секунд тишины повисают между нами. Обняв себя, я смотрю в окно, а потом слышу вопрос:

– Что-то новенькое?

Мужской взгляд устремлён на металлическое колечко в носу. В прошлую нашу встречу я была без пирсинга.

Когда понимаю, о чём спрашивает Лёша, то по привычке отшучиваюсь:

– Оберег от сглаза.

Он посмеивается, выдавая настолько заразительную улыбку, что мои губы растягиваются в ответ.

– Помогает? – иронично уточняет Лёша.

Я пожимаю плечами.

– Ну пока живая. Не хвораю.

Я протягиваю руку, чтобы взять салфетку, и рукав моей кофты сползает, обнажая запястье. Цепкие глаза парня мгновенно фиксируют отметины на коже: сине-фиолетовый синяк, небрежно прикрывающей вену, и расположившуюся рядом татуировку в виде изящного ключика с ажурной головкой.

Его брови сдвигаются, а во взгляде появляется стальная серьёзность.

– Интересная деталь, – говорит Лёша. Его голос теряет предыдущую легкость. – С потайным смыслом?

Я тут же одергиваю рукав и прячу руку в карман.

– Да. Этот ключ открывает замок, – сухо отвечаю.

– Какой?

– Который находится на запястье моего парня. У нас парные татуировки.

– Вот оно что, – он поджимает губы. – Как романтично.

Глеб лично набил тату на моём запястье, знаменуя его сакральным смыслом.

«Ты – ключ к моему сердцу. Уникальный образец в мире, который способен разблокировать замок. Мы созданы друг для друга и бесполезны по отдельности».

Полгода назад эти слова заставляли моё сердце трепетать от счастья. Сейчас они вызывают зуд на коже.

– А синяк тоже со смыслом? – раздаётся вопрос, который острым шилом вспарывает нутро.

Воздух перестаёт поступать в лёгкие. Горло сжимается.

– Нет. Просто стукнулась, – криво дергаю губами. – Я неуклюжая, как слон. Постоянно не вписываюсь в габариты. Ха-ха...

Я использую смех в качестве защиты, но, кажется, в этот раз он работает против меня.

Как бы то ни было, у меня язык не повернётся сказать правду. Это стыдно, чёрт возьми. К тому же, не его дело.

– Получается, оберег не спасает, – метко подмечает Лёша, замечая моё неестественное суевливое поведение.

– Получается, что так. Пожалуй, поменяю колечко на потолще.

Я смотрю в мужские глаза, мысленно умоляя закрыть тему.

Лёша не верит мне – это написано в каждой черточке его лица, поэтому притворяться дальше как-то глупо. Я чувствую, как у меня поднимается давление. Лёгкий разговор приобретает гнетущий шлейф, из-за чего возникает острое желание отгородиться глухой каменной стеной.

Взгляд падает на часы.

– Моя уже смена закончилась. Надо закрываться. Приятно было поболтать.

Натянута улыбаюсь.

Парень смотрит на меня ещё несколько секунд. Я вижу борьбу в его взгляде: он хочет сказать что-то, но как будто не видит смысла, почувствовав мою закрытость.

– Что ж... – медленно выдыхает он. – Не буду задерживать. Не дай бог вернёшься домой позже положенного. Глеб опять разозлится.

Его слова вызывают физический спазм в районе солнечного сплетения, заставляя меня внутренне сжаться.

Лёша поднимается со стула и вытягивает из кармана кошелек.

– Тот случай был единичным. И мы решили с Глебом этот вопрос, – зачем-то оправдываюсь я.

– Конечно, – сухо кивает Лёша и кладет на стол пару купюр. – Сдачи не надо.

– Это слишком много, – протестую.

– Чаевые, – отрезает он, не оставляя шансов для спора.

Я умолкаю, поджав губы, и наблюдаю за тем, как Лёша дотягивается до ручки и выводит на салфетке какие-то цифры.

– Спасибо за кофе, Алиса, – с этими словами он передаёт мне салфетку.

Я беру её и вижу номер телефона.

– Зачем это? – впадаю в ступор.

– Когда будешь нуждаться в обереге посильнее, просто позвони.

Он посылает мне красноречивый взгляд и ловит растерянный отклик в моих глазах.

Не говоря больше ни слова, он разворачивается и уходит. Дверь закрывается за ним с глухим щелчком.

Тишина, которая обрушивается на кофейню кажется громоподобной. Она давит на уши, на виски. Я снова смотрю на исписанную салфетку, потом – на запястье. Татуировка начинает жутко гореть. Я тру запястье, вкладывая в это движение всю нахлынувшую злость. Тру до боли, чтобы хоть как-то перебить ощущения, которые буквально разъедают изнутри. Но ключ никуда не исчезает. Наоборот, на фоне покрасневшей кожи символ проступает ещё ярче, ещё отчётливее. Черные несмываемые чернила, вплетённые в мою плоть. Клеймо, которое теперь ассоциируется не с любовью, а с пожизненным заточением в аду.

Сморгнув накатившую слезу и проглотив горечь, я сминая салфетку в комок с целью выкинуть. Но в последний момент, когда рука уже занесена над урной, я замираю. Пара глубоких вдохов помогают унять дрожь в пальцах. Тихий внутренний голос настойчиво шепчет...

Поддавшись ему, я разжимаю кулак и прячу скомканную салфетку в задний карман джинсов.

Глава 8

Лёша

Игла входит в колено с привычным, коротким жжением. Сжав челюсть, я отстраненно смотрю в потолок, пока медсестра вводит инъекцию.

По ноге растекается прохлада, притупляя боль. Прошло уже три года с тех пор, как травма поставила крест на моей спортивной карьере, но колено периодически напоминает о себе и требует очередного укола.

– Готово, – говорит Настя, прижимая ватку к месту укола. Её пальцы задерживаются на моей коже дольше необходимого. – Леш, хотела спросить... Какие планы на вечер?

Женские подведенные глаза излучают блеск, в котором читается далеко не врачебная забота. Так смотрит женщина на мужчину, который ей нравится.

У нас было с Настей один раз. Она приехала ко мне в белом халате без нижнего белья, типа на вызов. В медицинском чемоданчике вместо лекарств оказалась бутылка спиртного, для поднятия настроения и не только. Ролевая игра удалась на славу, но для меня этого оказалось достаточно. Повторять ещё разок нет желания. Спору нет, Настя красивая, милая, умная и всё такое, но я не из тех кто собирается выстраивать близкие отношения. Я не хочу привязываться и давать надежду на что-то большее. Так честнее, безопаснее и проще.

– Днюха у друга, – коротко отвечаю, поднимаясь с кушетки.

– А в выходные? – не сдаётся девушка. – Я просто подумала, может мы...

– Буду занят, Насть, – мягко, но твердо обрываю я, прекрасно понимаю, что обижаю, но лучше честность, чем ложная надежда.

– Ну ладно, – она опускает глаза и я вижу, как с тихим разочарованием гаснет её улыбка.

– Спасибо за помощь, – добавляю я, стараясь сохранить дружелюбный тон. – Нога чувствует себя значительно лучше. Пора возвращаться к работе.

Я покидаю процедурный кабинет и направляюсь напрямиком в спортзал, где в моё отсутствие прохлаждаются будущие чемпионы.

Звук свистка разрезает воздух, заставляя пространство вибрировать. Мгновенно, в едином порыве, юные бойцы вскакивают и замирают в собранных стойках.

– Перерыв закончен. Разбиваемся по парам. Отрабатываем бросок через бедро.

Мой голос, сильный и твердый, разносится эхом по залу.

Здесь – мой второй дом. Моя стихия. Моё призвание. Я знаю, каково это – падать и подниматься, терпеть боль и преодолевать себя. Теперь я учу этому других. Рукопашный бой для меня – это не просто боевое искусство. Это философия жизни, путь преодоления собственных слабостей. Здесь мы боремся не столько с противником, сколько с собственными страхами и комплексами. Каждая тренировка – это возможность стать сильнее не только физически, но и морально, закалить характер, который пригодится им за пределами спортзала.

Тренировочный процесс идёт полным ходом. Зал гудит голосами и звуками борьбы. Воздух – плотный, насыщенный смесью пота, упорства и несгибаемой целеустремленностью.

Я замечаю Ваню – одного из самых способных, но и самых неуверенных в себе учеников. С каждым неудачным броском его боевой дух тает на глазах, а после того, как Демид в очередной раз укладывает его на мат, Ваня даже не пытается подняться.

– Ваня, ко мне, – подзываю его.

Он медленно поднимается и плетётся ко мне, опустив голову. Его плечи сгорблены так, словно на них давит груз всех его неудач.

Приблизившись, он поднимает на меня глаза, и вижу, как они блестят от обиды.

– Рассказывай, что случилось, – мягко спрашиваю я.

– У меня ничего не получается. Я не могу, – выталкивает он, шмыгая носом.

- На прошлой тренировке всё было отлично, – припоминаю.
- Я не знаю... Демид всё время меня побеждает. И ещё смеётся надо мной...

Я внимательно смотрю на его отчаявшееся лицо и словно вижу себя много лет назад, когда был ещё ребёнком.

– Так, послушай меня, – опускаюсь на уровень его глаз и кладу руки ему на плечи. – Тебя побеждает не Демид, а твой собственный страх. Соберись. Я точно знаю, на что ты способен. Если ты действительно захочешь, то сможешь уложить на лопатки любого в этом зале, – прищуриваюсь и ободряюще улыбаюсь. – Ты способен на большее, чем думаешь. Главное – не позволять сомнениям брать верх над тобой. Запомни это.

- Да, – кивает Ваня, и я чувствую, как его тело понемногу наполняется силой.
- Сделай глубокий вдох, – командую я.

Ваня шумно втягивает воздух.

- На выдохе отпусти весь негатив.

Он закрывает глаза и медленно выдыхает. Когда его веки снова поднимаются, я вижу во взгляде совершенно новое выражение – решительное и собранное.

- Готов? – хлопаю его по плечу.
- Да, тренер.
- Тогда иди и покажи всем, на что ты способен.

В следующую минуту я с гордостью наблюдаю, как Ваня уверенно и технично выполняет бросок и укладывает Демида на мат. Его лицо озаряет победоносной улыбкой.

Именно в такие моменты я по-настоящему кайфую от своей работы. Кто-то может похвастаться семьёй, любимой женщиной, а у меня есть дело, которое я обожаю. Я вкладываю в учеников всего себя, без остатка. И когда вижу достойный результат, понимаю – я на своём месте. И чертовски горжусь этим.

Насыщенный рабочий день плавно сменяется шумной тусовкой в честь дня рождения моего друга Вована. Клуб оглушает громкой музыкой. Выпитый виски расслабляет и приятно согревает изнутри. Наша компания окружена вниманием девушек, и одна привлекательная брюнетка с томным взглядом уже обозначила свой интерес – её рука лежит на моём предплечье, пальцы ритмично перебирают складки рубашки. Казалось бы, всё складывается как нельзя лучше для идеального завершения ночи.

- И вдруг – звонок. Незнакомый номер высвечивается на экране телефона.
- Интуиция подсказывает мне ответить.

- Алло, – пытаюсь перекричать оглушительную какофонию басов.
- В ответ – настораживающая тишина. Потом – сдавленный прерывистый выдох.
- Э–это кто? – доносится из трубки.

Я замираю. Это голос Алисы. Но сейчас он до неузнаваемости искажён страхом. Что-то случилось.

Я резко встаю из-за столика и отхожу туда, где потише. Всё моё веселье мгновенно выветривается, сменяясь тревогой.

- Это Алексей, – стараюсь звучать спокойно.
- Какой Алексей? – неуверенно переспрашивает она.

На мгновение я впадаю в ступор. Почему Алиса спрашивает, кто я, если сама позвонила мне? Что-то здесь не так.

Прижав телефон плотнее к уху, я улавливаю на заднем фоне мужской голос – недовольный, резкий. И всё встаёт на свои места. Салфетка с моим номером. Должно быть, Глеб нашёл её и заставил Алису позвонить. Получается, мой жест помощи превратился для неё в настоящую подставу. Вот чёрт...

Глава 9.

Обычный вечер среды не предвещал беды. Мы с Глебом поужинали, после чего я устроилась в кресле с книгой в попытке укрыться в вымышленном мире от реальности. Страницы одна за другой уносят меня всё дальше, пока над головой не раздаётся недовольный голос:

– Что это?

Я поднимаю глаза, и сердце на мгновение останавливается. В руке Глеба та самая салфетка с номером Лёши. Я благополучно забыла о ней, оставив в заднем кармане джинсов, а Глебу вздумалось закинуть вещи в стирку.

– Ты оглохла? – его слова бьют по нервам, заставляя вздрогнуть.

По спине пробегает холодок. Я не могу пошевелиться, не могу отвести взгляд от этого злосчастного клочка бумаги в его пальцах. Помню, как в порыве отчаяния и слабости забрала её – расплата за ошибку не заставила себя долго ждать.

– Алиса, – Глеб произносит мое имя с опасной медлительностью. – Чей номер? – его глаза буравят меня, не оставляя пространства для отступления. – Кто тебе его дал?

– Я... не помню, – мой голос предательски дрожит.

– Напряги память, – с нажимом говорит Глеб. – Сохранила же. Значит, это что-то важное.

– Я правда не помню... – сглатываю тугой комок.

Кажется, он чувствует ложь – его глаза темнеют, а линия скул ставится резкой от напряжения.

– Алиса, не зли меня, – рычит.

Сказать Глебу правду – всё равно, что подписать смертный приговор.

Я судорожно качаю головой. Парализованный страхом мозг отказывается работать. Ноль идей по спасению. Как выкручиваться? Единственное, что я понимаю четко – нельзя впутывать в это Лёшу.

– Звони, – он бросает смятую салфетку мне на колени.

– Успокойся, прошу тебя...

– Я сказал – звони, – грубо отрезает.

Брошенный телефон больно ударяет ноги. Тяжелая тень Глеба давит сверху.

Закусив губу, я набираю номер. Пальцы не слушаются. Сердце колотится так громко, что кажется, вот-вот сломает ребра. Его удары отсчитывают секунды до катастрофы.

– На громкую связь, – приказывает Глеб, когда я нажала вызов.

Первый гудок пронзил тишину. Живот сводит спазмом.

Не бери трубку... Прошу, не бери...

Но мольба не помогает. Гудки обрываются.

– Алло, – раздаётся из динамика. На фоне музыка, шум, веселье.

Услышав мужской голос, Глеб сжимает подлокотник так, что белеют костяшки пальцев.

– Это кто? – едва выдыхаю я.

Пауза становится оглушительной. Лучше бы Лёша не узнал меня. Или просто сбросил вызов.

– Алексей, – звучит в ответ с легким удивлением.

– Какой Алексей? – закусываю губу до крови.

– Говори нормально, – шипит Глеб у самого уха.

– Извините, я нашла салфетку с номером и забыла, кто его дал.

Я зажмуриваюсь, сгорая от стыда. Но страх, скручивающий внутренности, всё равно сильнее. Ещё секунда, и моя ложь вскроется. Глеб придёт в бешенство, и мне конец.

Я готовлюсь к худшему, но в следующее мгновение Лёша говорит то, чего я никак не ожидала:

– А–а... Понял. Да, это я оставил вам контакт, чтобы вы передали его подруге, которая хотела записать сына в секцию рукопашного боя.

Он подыгрывает мне. И делает это на удивление правдоподобно. Я даже теряюсь на секунду, но быстро подхватываю:

– Точно... Совсем выпало из головы. Я прошу прощения за беспокойство. Так неловко вышло.

– Ничего страшного.

Волна облегчения разливается по телу.

Я мысленно благодарю Лёшу. Он понял всё без лишних слов и прикрыл. А мне так стыдно, за то, что втянула его в это. За то, что он слышит меня вот такой – жалкой, запуганной и врущей.

Я завершаю разговор и осторожно смотрю на Глеба – поверил ли он в наш спектакль? Его лицо скрывает эмоции за каменной маской.

– Это тренер по рукопашному бою. Маша как раз хотела сына на секцию записать. Вот я и сориентировалась... – объясняю я, и это звучит, как жалкое оправдание.

– Сориентировалась, – с язвительной интонацией повторяет Глеб. – И часто ты берешь номера у мужиков в кофейне?

Вопрос загоняет меня в ловушку. Он не спрашивает, а заведомо обвиняет, а я, как всегда спешу оправдываться.

– Это был единственный раз. Ты же сам слышал...

– Твои глаза говорят обратное, Лисичка.

Его рука проникает под волосы и сдавливает шею. Моё тело чувствует угрозу и цепенеет. Я замираю, не в силах дышать.

– Твои щеки позорно горят... – он проводит пальцем по пылающей коже. Ласковый жест порождает сотню острых мурашек.

Глеб чует мой страх так же, как хищник улавливает запах крови. Жажда расправы вспыхивает в его потемневших глазах.

– Чего ты боишься, детка? Почему дрожишь? – изображает участие и обнимает за плечи.

Его прикосновение провоцирует ещё больший тремор. Я окончательно теряю контроль над эмоциями и попадаю в полную власть Глеба.

– Ты боишься, что я узнаю правду? – вкрадчиво продолжает он. – Расскажи сама. Смелей.

Изошренная пытка. Жестокая игра перед расправой.

Он методично ломает меня, находя самые слабые места.

– Не надо, Глеб... Пожалуйста...

Умоляю, но понимаю – бесполезно. Моё унижение – топливо для его удовлетворения. Он не остановится, пока не получит своего.

– Что не надо? – его пальцы впиваются в волосы и сильно дёргают.

– Больно... – со стоном запрокидываю голову.

– Больно? – с притворным сочувствием округляет глаза Глеб. – Так давай сбреем эти дурацкие волосы – и не будет болеть.

Кровь стынет в жилах от его слов.

– Не надо... – испугано хриплю я.

– Не переживай. Я тебя и лысую любить буду.

Он сильнее дергает за волосы.

Боль искажает лицо. Я всхлипываю, чувствуя, как слёзы подступают к сомкнутым векам.

– Тише, малышка. Расстраиваешься, что другие мужики больше не посмотрят на тебя? Не будь такой шлюшкой, Лиса...

Натяжение у корней становится невыносимым. Я беззвучно реву. Губы трясутся, перехватывая соленые капли, стекающие по лицу.

Глеб стирает пальцами влагу с моих щек и продолжает издеваться:

– Понравился тебе этот тренер? – подмигивает. Но вместо игривости его взгляд излучает убийственный блеск. – Сохранила номерок...

– Нет... – судорожно выдыхаю.

– Не убедительно, – качнув головой, вздыхает. – Напомни, где у нас машинка?

– Глеб, прекрати...

Сердце сжимается от ужаса.

– Кажется, я видел её на верхней полке в шкафу, – демонстративно игнорирует мою мольбу. – Подожди минутку, я принесу.

Когда он отпускает меня, я вцепляюсь в его руки, пытаюсь удержать.

– Мне никто, кроме тебя, не нужен, – выдавливаю сквозь слёзы. – Хватит издеваться.

Завтра ты об этом пожалеешь.

– Я хочу, чтобы ты пожалела, Лиса. Что взяла этот номер и бессовестно врала мне.

– Я уже пожалела. Прости. Прости меня, пожалуйста.

Бессилие прибывает меня к полу. Я обвиваю его ноги и рыдаю.

– Старайся лучше, – раздаётся циничный ответ. – У тебя плохо получается изображать раскаяние.

– Зачем ты так жесток со мной? – отчаянно спрашиваю, поднимая к нему заплаканное лицо. – Я люблю тебя, Глеб. Больше мне никто не нужен.

– Да? Докажи делом. Я устал от слов и слёз.

Я понимаю, чего он хочет. Это единственный способ погасить его гнев.

Дрожащие руки тянутся к мужским штанам и оттягивают их вниз. Ладонь Глеба ложится на затылок в одобрительном жесте. Он добился своего.

В этот момент внутри что-то с треском надламывается. Последняя капля самоуважения растворяется в пучине страха и всепоглощающей вины. Горечь и унижение разъедают всё внутри, когда я начинаю механически заглатывать член. Каждый хриплый стон Глеба кажется платой за мою глупость.

Зачем я взяла этот номер? На что надеялась? Выбрось я тогда салфетку – ничего бы не случилось.

Мысли разрывают сознание на части, пока Глеб насилует мой рот. Слёзы душат, а тошнота подкатывает к горлу. Но я стерплю, лишь бы этот кошмар поскорее закончился.

Глава 10. Лёша

«Не звони и не пиши. Я в порядке»

Перечитываю сообщение от Алисы, пытаюсь разгадать, сколько правды в её словах. Хмурюсь, гашу экран и отвожу взгляд на дорогу. За окном машины мелькают неоновые вывески, но они не в состоянии отвлечь от дерьмового чувства, что сжимает грудь.

По идее, мне должно быть плевать на эту малознакомую соседку с её «любимым» парнем. Я мог бы остаться в клубе, уехать с той симпатичной брюнеткой и устроить себе незабываемую ночь.

Но вместо этого я один еду в такси, бросив друзей посреди веселья. И всё из-за Алисы. Я дал ей свой номер, и тем самым спровоцировал скандал. Чувство вины и тревога за девушку лишает покоя. Если Алиса сохранила салфетку, значит, ей нужна была помощь. Но она боится в этом признаться. Или всё гораздо проще – она тупо боится Глеба. Её жалкий трясущийся голос во время звонка сказал всё за себя.

Это каким надо быть тираном, чтобы твоя девушка была испуганна до дрожи? Что за отношения, построенные на страхе и самоуничтожении? Это не любовь, а тотальный пиздец.

И мне по-настоящему жаль эту девчонку. Она выглядит слабой и незащищённой. Сломать такую – пара пустяков для морального урода.

По пути домой я отправляю ей проверочное сообщение, на что получаю: «Не пиши и не звони».

Действительно, кто я такой, чтобы лезть в чужие отношения? Алиса отталкивает помощь, делая вид, что всё в порядке. И это её выбор, чёрт возьми. Пока она сама не осознает, во что влипла – бесполезно ей что-либо доказывать.

Возвращаюсь в квартиру, бросаю ключи на тумбочку. Непроизвольно замираю, прислушиваясь к звукам за стеной. Колючие мурашки лезут по позвоночнику. Нет, ничего криминального, просто приглушённые стоны и скрип кровати... Похоже, у соседей очередное «примирение».

Что ж...

Может, я и правда накручиваю? В реальности всё хорошо, а синяк на её запястье – просто следствие безудержной страсти? Бывают же пары, где любят «поглубже».

Хотел бы я ошибаться... Но внутренний голос настойчиво твердит обратное.

На следующий день я сталкиваюсь с Алисой в лифте. Заметив её хрупкий силуэт в мешковатой кофте, я придерживаю створки и пропускаю её внутрь. Судя по тому, как девушка избегает моего взгляда, можно догадаться, что она не очень то рада нашей случайной встрече.

Алиса неслышно заходит в кабину и прижимается к дальнему углу, как будто хочет стать незаметной и в конце концов исчезнуть. Темные оттенки одежды делают её похожей на безликую мрачную тень.

– Привет, – начинаю разговор я и нажимаю на кнопку.

– Привет, – отвечает она, не поворачивая головы.

Её отстранённый взгляд упирается в металлическую панель и замирает.

В воздухе висит неловкость – густая и тяжелая.

Когда лифт мягко трогается вверх, я прочищаю горло:

– Слушай, насчёт вчерашнего...

– Не надо об этом, – обрывает Алиса, поднимая на меня глаза. – И вообще. Нам не стоит общаться.

– Почему? – выдерживаю паузу.

– Потому что у меня есть парень. И ему это не понравится.

– Но мы просто соседи, – негодую. – В наших разговорах нет ничего запрещённого.

– Так будет лучше, – выдавливает она, сильнее сжимая ремешок сумки.

– Для тебя или для него?

– Для всех, – её голос срывается. – Что непонятного? Если не хочешь проблем, делай вид, что мы не знакомы.

– Алиса, я не боюсь проблем. Я привык их решать.

– Прекрасно, но не надо их создавать, – в её глазах вспыхивает что-то похожее на отчаяние. – Сделай, как я прошу. Забудь, что мы вообще когда-либо разговаривали. Ясно?

Она смотрит на меня требовательно, но за этой маской отчетливо читается страх. Ревность Глеба не оставляет ей другого шанса. Это единственный способ уберечься от неприятных последствий.

– Ясно, – коротко соглашаюсь, оставив своё мнение при себе.

Добившись от меня согласия, Алиса шумно выдыхает и отворачивается.

Остаток пути мы едем в напряженном молчании.

Я выхожу следом за Алисой и вместе с ней останавливаюсь у почтовых ящиков. Отрываю свой – и замираю. Среди счетов и рекламных листовок лежит цветная пластиковая баночка. Беру её в руки, разглядываю этикетку с крокодильчиком и надписью «мыльные пузыри». Краем глаза я смотрю на Алису, которая занята конвертом и усмехаюсь. Это же она подбросила, да? Конечно она. Та самая шутка про пузыри, оброненная когда-то в разговоре, теперь лежит у меня в ладони.

– Очень мило, – ненавязчиво привлекаю внимание девушки. – Теперь мне будет чем заняться на балконе.

Алиса дергает головой в мою сторону и замирает, уставившись на баночку.

– Ты чертовски редко проверяешь почту, – бросает она, поджав губы и протягивает руку. – Это было глупой идеей. Верни пожалуйста.

– С чего бы? – делаю удивленное лицо. – Это мой подарок. А вы, простите, кто? Я вас впервые вижу.

Алиса застывает с округлёнными глазами, не в силах что-либо ответить. Кажется, она загнала сама себя в ловушку собственных правил.

Я улыбаюсь, сводя сказанное в шутку.

– В детстве у меня были такие же, – смягчаю тон.

Ловким движением вскрываю баночку и дую на кольцо.

Десяток прозрачных переливающихся шариков заполняют пространство между нами. Один из них долетает до Алисы и лопается прямо о кончик её носа. Выходит настолько мило, что я выпускаю смешок и вижу, как губы девушки непроизвольно растягиваются в ответ. Всего на мгновение. Короткая вспышка настоящей эмоции – смесь детской радости и смущения.

– Забавно, – делаю шаг вперёд и подставляю ладонь под медленно падающий пузырь. – Спасибо за подарок.

На этот раз моя улыбка не находит отклика.

– Развлекайся на здоровье, – сухо хмыкает Алиса.

Она поспешно отдаляется к двери, судорожно перебирая ключи. Не просто уходит – а сбегает. словно совершила преступление, позволив на секунду быть самой собой.

Глава 11

Уведомление в мессенджере напоминает, что сегодня у мамы день рождения. В открытой переписке сами собой всплывают поздравительные стикеры – такие радостные и яркие, а у меня сердце скручивает от боли. Я поджимаю губы и смотрю на последнее сообщение, отправленное чуть больше года назад.

«Хватит учить меня жить, мама. Ты никогда меня не понимала. Всегда знала, как лучше, но я так не хочу. Сама живи по своим правилам. Мне надоело угождать и соответствовать твоим ожиданиям. Оставь меня в покое. Я люблю Глеба и буду с ним, нравится тебе это или нет».

После этого мы не общались. Я ушла из дома ещё школьницей. До выпуска оставался месяц – учёба, экзамены, последний звонок. В этой нервотрепке единственной отдушиной стал Глеб, с которым я познакомилась через друзей. Я влюбилась в него почти сразу – ещё бы, крутой парень на байке обратил внимание на скромную отличницу. Устоять было невозможно. Он покорила меня своей свободой, дерзостью и лёгкой безбашенностью. Всем тем, чего мне так не хватало, чтобы вздохнуть полной грудью в нашем душном мирке. Вечные правила, запреты и материнский контроль медленно убивали во мне желание жить. Учёба должна была быть на первом месте, и маме было плевать, что меня уже тошнило от учебников, над которыми я сидела до ночи ради её красного аттестата. Никаких ночных гулянок, вечеринок, дискотек. Я выбиралась из дома редко, и то если дело касалось школьных мероприятий или дней рождений подруг, заслуживших у родителей одобрительное клеймо «хороших девочек».

Чем сильнее меня опекали, тем нестерпимее становилось желание вырваться из ежовых рукавиц. И когда это наконец случилось, меня будто подменили – авторитет родителей и учителей рассыпался в прах. Теперь во главе всего был Глеб, который принимал меня любой. Он не упрекал меня за прогулы, плохие отметки, выпитую банку пива или выкуренную сигарету. Он научил меня целоваться и дарил такую ласку, от которой я готова была скончаться от счастья.

Я переехала к нему после очередного скандала с родителями. Мама осыпала меня самыми обидными словами и пророчила ужасное будущее, пока я судорожно складывала вещи. Я не церемонилась и орала в ответ сквозь слёзы и злость – ту самую, что копилась годами из-за бесконечных обид. Постоянные упрёки и сравнения не в мою пользу. И так во всём. Я была достойна похвалы, только когда добивалась успехов. Меня любили, когда я всё делала правильно. Малейшее отклонение от идеала вызывало недовольство и порицание. Это держало в постоянном напряжении. Я была не я, а проект, который лепили мои родители. Я изо всех сил старалась быть прилежной, потому что отчаянно хотела их любви – той, что они выдавали строго дозированно. А мне всегда было мало. Жёсткий дефицит породил комплексы и убивал самооценку.

Внимание Глеба действовало на меня, как волшебная пилюля, принятая после долгой болезни. Серый мир заиграл красками. Я впервые почувствовала себя красивой, особенной, желанной. Это окрыляющее чувство поломало старые настройки и сменило приоритеты. Я стала плохой дочерью, но мне было плевать – ведь я была любима своим парнем, и это придавало мне сил идти против всех.

Когда мама узнала, с кем я встречаюсь, она была в ярости. Она называла Глеба «отбросом», узнав, что он вырос в неблагополучной семье.

«Его отец – алкаш и наркоман! Мать с белой горячкой покончила с собой! Его ждёт та же участь! И ты, идиотка, туда же?»

Её стереотипное мышление выводило меня из себя, и любой разговор превращался в грандиозный скандал. Она выносила мне мозг изо дня в день, и жить дома стало невыносимо.

Последние минуты в родительском доме останутся в памяти навсегда. Мама назвала меня шлюхой, заявив, что Глеб просто «оттрахает и бросит». Ради чего ещё я могла быть ему нужна? А потом, конечно, я пойду по рукам и плохо кончу.

Выслушав все её «добрые пожелания», я послала её на хуй. Прямо, грубо, от всей души. Это был первый и последний раз, когда я сматерилась при ней. Эмоции зашкаливали – какое уж тут благоразумие. Мама отвесила мне пощёчину и в сердцах бросила: «Неблагодарная. Позор семьи. Убирайся и не возвращайся». Я ушла, гордо подняв голову, и пообещала себе стать счастливой ей назло.

Спустя год обида по-прежнему тлеет где-то в глубине, но острота притупилась. Как бы там ни было, я люблю маму, и мне стыдно за те резкие слова, что сорвались в порыве злости. К тому же она оказалась отчасти права насчёт Глеба. Тот, кого я считала спасением, оказался персональным ядом замедленного действия. Редкостная дрянь, что медленно отравляет и вызывает зависимость. Сначала ты не замечаешь ничего, опьянённый адреналином, а очухиваешься слишком поздно – когда заражение достигает критической стадии. Побочные эффекты превращают тебя в жалкое подобие себя – безвольную тень. От тебя почти ничего не остаётся. Твои мысли – это его мысли. Твоя воля – его воля. Ты делаешь то, что он скажет. Чувствуешь то, что он позволит. В этом и заключается ловушка. Выбраться из неё почти нереально, когда сознание уже пропитано чужим влиянием. И самое ужасное – виновата в этом только ты сама. Это был твой выбор. И теперь ты по заслугам за него расплачиваешься.

Палец не поднимается написать маме поздравление. И стыдно, и страшно, что не оценит. Я – главное разочарование в её жизни.

Закажу цветы. Без подписи. Чтобы не вспоминала меня лишний раз и не портила себе настроение.

Денег на карте нет. Проклятье... Придётся просить у Глеба. На цветы маме он точно не даст. Он ненавидит её так же сильно, как и она его. Придётся врать.

Я звоню Глебу и нервно кусаю ногти, пока в трубке раздаются гудки.

–Говори быстро. Я занят.

Его голос мгновенно поднимает уровень тревоги. Кожа начинает зудеть.

–Скинь денег, пожалуйста... Нужны новые ботинки, – неуверенно лепечу и расчёсываю голые плечи.

–А что со старыми?

–Износились. Не хочу ходить, как бомж.

–Лиса, мы сами станем бомжами, если через пару дней не заплатим за хату.

–Хотя бы полторы тысячи, пожалуйста.

Тяжёлый вздох и привычный мат.

Он переводит деньги, а я жду, как Хатико у экрана. Сообщение о пополнении счета вызывает прилив радости. Пишу Глебу: «Спасибо большое».

Ответ не заставляет себя ждать: «Отработаешь».

Цинизм Глеба уже не удивляет. Отработаю. Как и всегда.

Но это будет потом, а сейчас... Я заказываю доставку цветов. Мама любит пионы – розовые, пышные, ароматные. Сердце ноет, когда представляю её реакцию на сюрприз. Её улыбку, сияющие глаза... Больно и приятно одновременно, что хотя бы так, на расстоянии и инкогнито, я могу её порадовать.

Глава 12

Ручка скрипит по бумаге, едва поспевая за бегом мыслей. Вдохновение наконец–то снизошло на меня. Я дописываю этюд, который вымучивала весь день. Рядом открыт сайт института – факультет драматургии. Одно из условий поступления – как раз такое эссе.

От внезапного хлопка входной двери пальцы дёргаются, и по странице расплзается уродливая клякса. Смотрю на время – уже семь, Глеб вернулся с работы.

Я стремительно закрываю блокнот, захлопываю ноутбук и тревожным взглядом проверяю комнату. Первым делом сгребаю со стола скопившиеся кружки и несю в раковину. Кажется, сегодня я на 90% состою из кофе. Он, как допинг, даёт энергию и помогает сосредоточиться.

Глеб заходит на кухню.

– Я голодный как зверь. Есть что пожрать?

Шлёпнув меня по заднице, он подходит к плите, где в сковородке отмокает пригоревшая яичница. Я не успела приготовить ужин.

– Сейчас сварю пельмени, – выкручиваюсь я, открывая морозилку.

– От них изжога. Где нормальная еда, Лиса? Чем ты весь день занималась?

Он с возмущением осматривает кухню, потом переводит взгляд на ноутбук и берёт в руки мой блокнот.

– Давай я уберу, – хватаюсь за корешок.

Заметив мою панику, он настойчиво выдёргивает блокнот и начинает листать.

– Что это? – хмурится, изучая записи.

– Эссе для вступительного экзамена, – закусываю губу.

– Чего? – морщится он.

– Я хочу в следующем году подать документы в вуз.

Брови Глеба взлетают от изумления.

– Куда?

По глупости решив, что он спрашивает искренне, я робко объясняю:

– Я посмотрела разные факультеты... Больше всего меня заинтересовала драматургия. Там нужно написать литературный этюд, вот я и пробую...

Голос обрывается, в горле пересыхает. По мрачному лицу Глеба я понимаю: его вопрос был не уточняющим, а риторическим, полным негодования и презрения.

– Ты прикалываешься? – смотрит на меня с усмешкой.

– Нет, – сглатываю.

– Хватит заниматься хернёй. Какой ещё вуз? Мы же обсуждали: корочки никому не нужны, все равно работать будешь не по специальности.

Он прав. Именно так я рассуждала после школы, когда отказалась от университета, к которому меня готовили репетиторы. Родители хотели, чтобы я поступила на юридический. А чего хотела я – сама не знала. Я взяла год на раздумья, но ясность не пришла. И лишь месяц назад я почувствовала: вот оно, моё. Во мне проснулось желание писать, и кажется, получается не так уж плохо.

– Я передумала. Почему бы не попробовать? Мне нравится писать, у меня получается... Почитай.

Глеб фыркает и смотрит на меня как на дуру.

– Писать? Серьёзно? Я тоже могу писать, Лиса. Все могут писать. А вот приготовить ужин – не все, как мы видим. Ты долго ещё будешь кормить меня покупными пельменями? Или твоего таланта хватает только на складывание букв в слова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.